

Один день из "Путешествия в Арзрум"

Новая версия

Портрет А.Грибоедова

1 мая 1829 года, день в день, когда конный эскорт из ста периодических сарбазов во главе с офицером шашкой охраны передавал на Ахалсуфийский перевал, тело А.С.Грибоедова, которое с почетом должны были препроводить в Тифлис, А.С.Пушкин в полном душевном расстройстве двинулся из Москвы на Кавказ.

К тому времени поэт уже знал о трагедии, разыгравшейся 30 января 1829 года в персидской столице. Москва была наводнена самыми невероятными слухами. 28 марта 1829 года дядя поэта, В.Л.Пушкин, сообщил П.А.Вяземскому: "На днях объявили матери Грибоедова о кончине ее сына. Она в отчаянии, рвет на себе волосы и кричит, что порадо бы лучше было, если бы умерла у нее дочь..."

Александр Сергеевич своими намерениями уехать на Кавказ поделился с друзьями еще в марте 1829 года после неудачных попыток отправиться в Европу. С.Н.Карамзин в письме от 20 марта 1829 года из Петербурга сообщал В.Ф. и П.А.Вяземским:

"...Вы, вероятно, знаете, что Пушкин в настоящую минуту карбокается по Кавказу; это новое безумство, которое взорло ему в голову; что касается нас, то мы мало сожалеем о его отъезде, потому что он стал неприятно угрюмым в обществе, проводя дни и ночи за игрой, с мрачной яростью, как говорят".

Но Пушкин, заказав переносных лошадей до самого Тифлиса, в последний момент отложил свой отъезд.

Василий Львович Пушкин писал 26 марта 1829 года поэту Петру Андреевичу Вяземскому: "...Александр Сергеевич, кажется, до летнего пути, то есть еще месяц пробудет с нами. Он жалует на свое здоровье и говорит, что он стареет..."

Снова в главе "Дуэль" ключевым, звучащим на крике становится слово "кони" (даже и они храпят и бьются при виде бессмысленной жестокости). Опять окрашены восхитительным сарказмом и Петушков, и Пустяков, и "остраж, недавно из Тамбова...", et cetera. Но есть совпадение: посуществнее, ибо личность актера вновь совмещается с alter ego автора. И первый сообщает артерию поэмы собственную кровь, снабженную кислородом ровно настолько, насколько позволяет прожитое, пережитое и наблюдаемое ныне. "Кто жил и мыслит, тот не может в душе не презирать людей!" — не горькое прозрение, а констатация свершившегося факта. "Преданья простонародной старины" и все, связанное в поэме с домом Ларинных, окрашено теперь у Юрского в едва ли не руссоистские тона. Антагонизм светской суеты с "натуральной" жизнью — одна из доминирующих тем этого "Онегина". На этой территории есть шанс вернуться к гипотетическому будущему неубитого в 38 лет поэта. К сорока годам прожито то, что по духовной насыщенности трехкратно превышает допустимый объем, засел бы он мудрецом в уединенной глуши, полюбил бы домашний уют (как полюбил расставаясь Юрский тарелки к обеду у Ларинных), изредка навеивая свет, не смителся бы более Чайлд-Гарольдом. Сопровителется ли текст поэмы такой активно авторской интонацией исполнителья? Ничуть! Напротив, открывается в новых глубинах, объеме, И, похоже, может открываться пласт за пластом до бесконечности. И именно в личностном, пристрасном прочтении. Отринув неуместные в нынешней его поре живые и темперамент (по-моему, лукавит, а жал), Юрский, как хороший реставратор, очищает от пыльных портрет Татьяны. На ней как на идеале не только женском, но общечеловеческом скрещиваются у него все смысловые линии поэмы. Признание Татьяны Юрский читает и впрямь "начитаться не может", общая каждому слову нескрываемое сердечное расположение. Корреспонденция же любящего Онегина пробегает сухо. Не оставить повзрослевшему Евгению ни шанса на какую-нибудь значительность всплывших в нем чувств — это сурово! Но — факт. Ответ Татьяны произнесен актером так, будто целая жизнь не Ларинной только, но и Пушкина, и самого Юрского подошла в нем к своей сокровенной сути. Кажется, одной Татьяне, которой слежка за двадцать, не вложится в эту отповедь столько достоинств, мужества и печали. Стоит ли жалеть в нынешней версии "добро" приятеля Онегина, если у Пушкина и сказано: "Я так люблю Татьяну милую мою".

Безразные глубины личности поэта и его слова заставляют в себя все возрасты. Сожиться с Пушкиным, дерзко присвоить себе его мироощущение и судьбу — на это, безусловно, надо иметь право. Но художник, о которых речь в этих заметках, свое право заслужил.

Наталья КАМИНСКАЯ

Кавказская одиссея Александра Сергеевича Пушкина началась после записки генерала Раевского, который советовал поэту спешить к Кавказу, так как войско под командованием генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского намеревалось через несколько дней двинуться в поход на турок. На другой же день поэт покинул грузинскую столицу и отправился в путь вместе с сопровождающим и навьюченными лошадьми, меняя их на каждом казначьем посту. Обо всем этом Пушкин поведал в записках "Путешествие в Арзрум", так же как и о неожиданной встрече 11 июня 1829 года с телом Грибоедова у крепости Гергеры: "Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. "Откуда вы?" — спросил я их. — "Из Тегерана" — "Что вы везете?" — "Грибоеда". Это было тело убитого Грибоедова, которое препроводжали в Тифлис", — поясняет поэт. Но была ли вообще эта встреча на развилке дорог?

Но мрачные настроения, угрюмость, жалобы на здоровье и приближение старости вполне конкретные имели причины — материальные затруднения, проблемы с издательскими делами, а главное, неустроенность семейной жизни на исходе тридцати лет. Сватовство к московской красавице Софье Толстой, а затем к Анне Олениной — дочери президента Российской академии художеств в Петербурге — не увенчалось успехом. Желание уехать на Кавказ окончательно окрепло после того, как Екатерина Ушакова не приняла его признания в любви. Испытав сильнейшее потрясение, он сделал последнюю перед отъездом попытку — просил руки другой красавицы, Натальи Гончаровой, но не получив вразумительного ответа, подавленный, не дожидаясь разрешения на отъезд у мещанского Бенкендорфа, уехал на Кавказ.

"В ту же ночь я уехал в армию, — писал он с дороги матери своей будущей невесты. — Спросите меня, зачем это было — кланяться Вам, что я сам не знаю, но невольная тоска гнала меня из Москвы".

В Тифлисе Пушкин прибыл в конце мая и в течение двух недель нахаживал удовольствие лишь в гостях, где его принимали с большим почтением. Он и в гостеприимном доме генеральской вдовы Прасковьи Николаевны Ахвердовой, у которой воспитывалась Нина Чавчавадзе и впервые познакомился с Грибоедовым. Вспоминал об этой встрече, дочь П.Н.Ахвердовой, Дарья Федоровна Харламова, позднее писала:

"Около 1829 года посетил и обедал у нас и Александр Сергеевич Пушкин, я его превосходно помню, хотя это было в смутное для нас время, после смерти Грибоедова... Тифлис в те дни был наводнен все новыми и но-

стах от Нахичевани, его сопровождала скорбящая толпа людей.

На другой день траурную процессию возглавлял впадо черноморских казаков с офицером, за ними шел армянский архидиак с многочисленным его причтом, который нес образа и хоругви, и русские священники, за ними шесть покрытых траурными попонами лошадей вели колесницу с бранными останками российского министра-посланника. Балдахин колесницы был из малинового бархата с позолоченными русскими орлами и гербом покойного; за гробом вели двух лошадей: одну парадную под великолепной синей попоной с золотым шитьем, другую — траурную. Шестие замыкал батальон Тифлиского полка с двумя орудиями. Об этих подробностях поведал Ф.Булгарин, приведя в IX томе журнала "Сын Отечества" за 1830 год, который он издавал

печальным шествием было нечто величественное и неизгладимым образом трогало душу: сумрак вечера, озаренный факелами, стены, сложенные плачущими грузинками, окутанными в белые чадры, воспоминанием об ужасной кончине Грибоедова раздирали сердце знавших и любивших его. Вдова, осужденная в блестящей юности своей испытать ужасное несчастье, в горестном ожидании стояла с семейством своим у городской заставы; свет первого факела возвестил ей о близости драгоценного праха; она упала в обморок, и долго не могли привести ее в чувство..."

На другой день происходило погребение тела эскадрона Грузии Ионной и похороны, пышные которых не видела грузинская земля.

Позже генерал-фельдмаршал граф Паскевич представил вице-канцлеру К.В.Несельеру счет на крупную по тем временам сумму, израсходованную на перевоз тела Грибоедова из Персии в Тифлис, в размере 210 червонных и 236 рублей 90 копеек серебром и просил об их возмещении в кассу Главного полномочного на Кавказе.

Как видите, вся эта торжественная траурная церемония не имеет ничего общего с картиной, оставленной в записках А.С.Пушкиным. Но у всего есть свои причины. Покинув Тифлис, Пушкин пребывал, видимо, под впечатлением зверской расправы в Тегеране, размышляя о судьбах поэтов. Их трагическую схожесть Пушкин не раз отмечал в своих произведениях: Овидий, Байрон, Шенье, Рылеев, теперь Грибоедов, а скоро, может быть, и он сам? Мысль о смерти не покидала Пушкина, на передовой позиции он даже принял участие в бою. Попробовал сыграть со смертью, но... остался жив. Не потому ли воображение поэта оставило в его записках столь грустную картину встречи у крепости Гергеры с телом покойного Грибоедова, которого тот столь уважал при жизни?

"Приехал в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничей завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, нервного бою, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна, — писал он в "Путешествии в Арзрум". — Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны..."

Вера ГРЕЧАНИНОВА, Юрий ХЕЧИНОВ

Давно, усталый раб, замыслил я побег

Две пули — больше ничего

Режиссер Кама Гинкас, поставивший на сцене МТЮЗа с перерывом в полгода "Золотого петушка" и авторский спектакль "Пушкин. Дуэль. Смерть", однажды уже создал "Пушкина и Наталью". Тот спектакль с Виктором Гвоздичем-Пушкиным, с влюбленным поэтом, томившимся в карантине вдали от будущей жены, тот кусок жизни, воссозданный из писем и записок, из Болдинской описи, любовного пыла, злой иронии и открытого романтизма, восторга и тоски, тот спектакль был о начале ленинградской легенды, а потом, перенесенный в столицу, стал легендой московской "Пушкин. Дуэль. Смерть" — вновь записки, дневники и письма. Жуковский — Геккеру, Пушкин — Соллогубу, Вяземский — Нащокину... Месяцы, оставшиеся до дуэли, роскошная удавка дружбы, любовной, светской раутов и государственных служб, все туже сжимавшаяся на пушкинском горле, — вот предмет сценического исследования. Снова, как в "Пушкине и Наталье", Гинкас вычитывает из писем судьбу и характер поэта. Снова скрывается с документальными строчками до степени крайнего личностного отождествления, а затем резко отходит в сторону. Пережитое субъективируется в черно-белой графике сцены. Пушкин живет в каждом из актеров. Прошедшие за два часа в маленькой театральной комнате воспринимаются как события, во все не отделенные от нас ста шестидесятью двумя годами. Временные границы размыты, исторические параметры стерты. "Пушкин — наше все" в эти часы — не пошлый трюизм, а остро-болезненное ощущение незнакомой жизни, непреодолимой близости. Могло не случиться! Радостный вздох облегчения у Соллогуба-И.Г.Ордина. Расправившись плечу у Нащокина-И.Я.Сулповича. Знающие наперед развязку зрители невольно хватаются за соломинку надежды. Актеры в черных траурных парад, художники в черных плащах (художник Т.Бархина) сидят за длинным пустым столом. Поминки. Так свойственные обряду витают в воздухе и острое чувство утраты, и свинцовая тяжесть вины, и предательское желание оправдания. Светские толчки и пушкиноведческие гипотезы важны, однако, Пушкин был смелым? Вел себя в обществе вызывающе? И это, конечно, и это. Однако как мужественно умирал, как успокаивал Наталью. Дантес (в спектакле нет, разумеется, ни Дантеса, ни Пушкина, ни Наталью) не то имел в виду? Возможно. Однако "Пушкин вошел как-то в комнату и застал..." Геккеру говорил ловушку? Рокочным образом сложились обстоятельства? Пушкин сам лез на рожон? Какой, в сущности, смысл во всех этих вопросах, когда перед нами снежное пятно по смертной маске на черной бархатной подушке! Но пока актеры перед нами, пока сгорбко тревожен Жуковский — Е.Самойлов и оцепенел на крик Соллогуб, и оцепенел в горе Нащокин, и блаженно невме-

В 1834 году, за три года до гибели, Пушкин написал: "Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит". Мотив побега как один из возможных внутренних рычагов, действовавших поэта к сознательному скорой развязке, не раз отмечался пушкиноведами. Доведись ему заглянуть в наше сегодня и увидеть тот идиотический размах, с которым встречают его юбилей, непременно бы вновь замыслил он побег. К счастью, есть художники, чья внутренняя связь с Пушкиным — факт их судьбы, а не стремление вписаться в дату. Впрочем, и они, вписываясь в бойный юбилейный ряд, однако успешно из него выпадают.

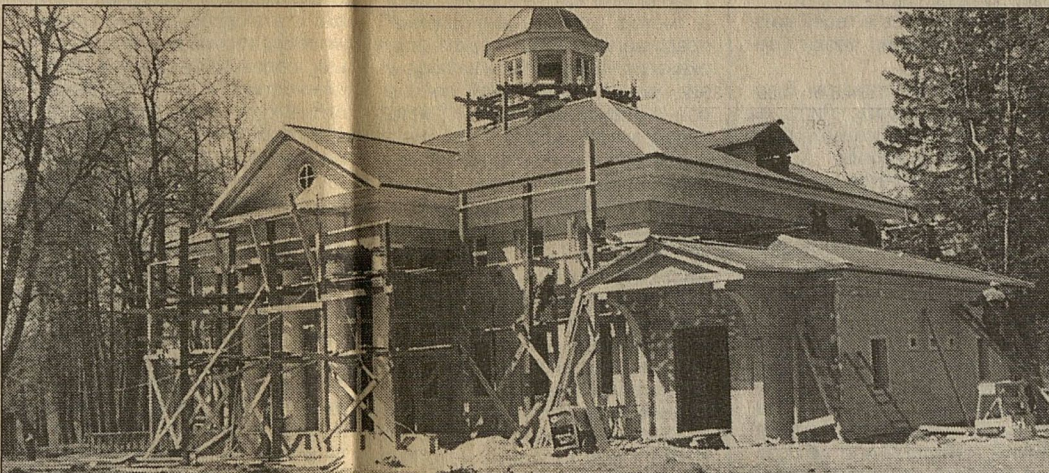
Однако жена его, пока все они мечутся, клещушествуют, изливают душу — смысл есть. Поразительно, как от догадок и предчувствий бросает то в жар, то в холод и знатоков, и неопитов. Но вот взмывает вверх стол (роб?), и цепляются за него в иступлении "поэты пушкинских пор", и повисают между небом и землей, живые, но без Пушкина. Острая жалость, и угрызения совести за случившееся полтора века назад, и странные восторги, объяснимый лишь пожизненной любовью, — такой именно спектр эмоций владеет зрительской душой. К слову сказать, любезная иному сердцу идея: поэт исполнил к 38 годам свое предназначение — и здесь западает на ум. Но предостерегает себе, что далее Александр Сергеевич "в деревне счастлив и рогат носил бы стеганный халат", мешаясь чувством. Именно оно, саднящее, как свежий порез, мешает в эти часы рассуждать здраво. Режиссеру и актерам надо было до предельной степени сожиться с обстоятельностью пушкинской смерти, чтобы зрители нестерпимо были эти обстоятельства приняты.

Лета шалуну рифму гонят

Если бы Сергей Юрский не прочел на телевидении "Евгения Онегина" примерно тридцать лет назад, а сейчас, в свои собственные уже не тридцать сделал бы это впервые, не стоило бы ломать голову над феноменом автора поэмы с точки зрения возраста. Но тридцатилетний Юрский читал поэму тридцатилетнего Пушкина, и самое замечательное в этом было то, как совместилась мироощущения ровесников, актера и поэта. Как улетучилась в миг извечная чуждая дистанция, и Пушкин, язвительный и романтический, Пушкин-болтун и мудрец, хулиган и философ предстал перед нами не только в лирических отступлениях, но (что самое интересное) и в персонажах поэмы. Кто сквозь кого просвечивал (актер? поэт?), право, так же не хотелось гадать, как вычислять в спектакле Гинкаса, кто на сей раз говорит словами Вяземского, а кто — Нащокина?

В нынешнем "Онегине" (канал ТВ Центр) Юрский рискнул сделать тот же ход. Смутила ли его при этом разница между возрастом автора поэмы и его собственным? Думаю, нет. Более того, артист намеренно не стал ее скрывать. Прибавив в декорации (в прежнем "Онегине" обшлось стульями и свечами, здесь художник А.Богин создает театральную среду), обрета цвет и меняя костюмы, Юрский по-прежнему с цилиндром и тростью, к тому же нисколько не убогий грации. Снова меняет "маски": только что была шумная Таня, а вот уже основательная няня. Снова сон Татьяны звучит в интонациях полубереда, а когда Онегин клонит голову свою на Татьяну плечо, очень некстати входит Ленский, и эпизод этот опять смехом и снова разжигает атмосферу трагического предчув-

Мне видится мое селенье, мое Захарово

В Захарове восстановлен дом бабушки поэта Марии Алексеевны Ганибал. Отныне именно этот новодель займет центральное место в большом комплексе Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С.Пушкина "Захарово — Большие Вяземы".

Детские годы поэта, проведенные в Захарове, оказали огромное влияние на его творчество. Мария Алексеевна Ганибал каждое лето, иногда и в зимние месяцы, с 1805 по 1811 год возила сюда любимого внука. "На холме домика мой" был простым и уютным. А вокруг "веселый сад" и "старых кленов темный ряд", а затем, до самого небожника, — поля, рощи, деревни, быстрая речка Захаровка. Саша любил Захарово, всегда с нетерпением ждал встречи с ним. Позже вспоминал:

Мне видится мое селенье, мое Захарово...

В 1830 году он вновь посетил его, о чем мать с некоторым удивлением напишет дочери Ольге Сергеевне: "Вообрази, он совершил летом сентиментальное путешествие в Захарово, отправившись туда один, лишь бы видеть место, где провел несколько лет своего детства". Усадебный дом разрушился в конце прошлого века, а в 1903–1905 годах на его фундаменте возвели другое строение. Оно, как полагают, повторяло основные параметры и расположение ганибаловского "гнезда". Именно в нем и хотели было устроить музей. Но несколько лет назад постройка сгорела.

Проектом его восстановления занимались архитектор Наталья Карташова и историк, руководитель архитектурно-реставрационной мастерской "АРИС" Виктор Зубарев. Но восстановление именно "пушкинского" дома в его первоначальном виде. Им удалось обнаружить в архиве уникальный документ — подробную запись о проведении его ка-

питального ремонта, датированную 1807 годом. Оказалось, что дом был деревянным, одноэтажным, с антресолями, с фронтонной над тремя окнами, с двумя крыльцами, с балконом и бельведером. И стоял несколько поному, чем сгоревшее строение.

Помогли авторам проекта и интереснейшие находки, сделанные в ходе археологических раскопок, проведенных студентами Российской академии живописи, ваяния и зодчества. Были отысканы фрагменты лепнины и штукатурки со следами краски, дающие представление о цветовой гамме стен гостиной и спальни, а также предметы быта: помидорные баночки, курительная трубка, монеты, посуда, детские игрушки (не Саша ли Пушкина?), перстень-печатка с изображением двух сидящих за столом фигур и вазы между ними.

Все рабочие чертежи изготовила мастерская "АРИС". Финансировали строительство Комитет по культуре администрации Московской области и администрация Одинцовского района. Сюда проходило трудно, особенно с перерывами, особенно после августовского финансового краха в стране. Но все же необходимые средства были предоставлены, и дом полностью восстановлен. К юбилейному торжеству в его комнатах будет развернута выставка "Детские годы Пушкина", составленная из подлинных, в том числе археологических, и копийных материалов. Быть может, со временем дом приобретет и мемориальный характер. Подле него будет воздвигнута двухметровая фигура поэта (скульптор А.Хижняк), как бы

символизирующая захаровско-карсоевскую пору жизни поэта, когда "с первой юностью младенчеством слилось".

Одновременно в Больших Вяземах в отреставрированном флигеле обстановка князей Голицыных открылась другая, в какой-то мере схожая экспозиция — "Мир детства поэта", но тематически более широкая, охватывающая эпоху начала прошлого века. В Больших Вяземах будет установлен бронзовый bust поэта — работа скульптора Ю.Динеса, его дар музею.

Другие подмосковные музеи — в Архангельском, Осташеве, Бронницах, Яропольце, в той или иной мере связанные с именем Пушкина, — также достойно встретят славный юбилей. Новый памятник поэту работы В.Михайлова установят в Подольске. А в Лопане, в восстановленной части особняка Васильчиковых-Гончаровых (теперь филиал Музея А.П.Чехова), где была найдена рукопись "Истории Петра Великого", где на местном кладбище похоронены сын поэта А.А.Пушкин и другие представители этого семейства, состоится выставка "Пушкинское гнездо".

...Как мы видим, в Подольске, да и в других достопамятных местах, появятся несколько монументальных скульптурных произведений, посвященных поэту. Наверное, это хорошо. Но зная, сколь трудно создать оригинальную работу, невольно сомневаемся: а не станут ли они очередным дежурным юбилейным атрибутом? Будут ли они вполне самостоятельными художественными явлениями? Уж лучше меньше, но высокого профессионального качества. Но это лишь сомнения...

Евграф КОНЧИН

На день рождения Александру Сергеевичу сыграют "новоржевку"

А вы же, наверное, и не знаете, что означают "сыграть новоржевку"... Новоржев, Опочка, Бежаницы, Остров — все окрестности Михайловского, пушкинские места. И сливались они встарь не только великим землемолам, но и драками своими и драчунами. Или скажем так, посерьезнее, — высокой культурой кулачного боя. В Новоржеве даже при Пушкине жил мелкий помещик, периодически устраивавший со своей крепостной дружиной набеги на рассердивших соседей — брал пленных, угнал скот, а главное — вольно бил морды. Так вот, во всех перечисленных населенных пунктах были собственные мелодии, которые исполнялись на гармошке в качестве аккомпанемента к драке, задавали ей ритм, подбавляли участникам. Гармонист сидел в непосредственной близости — и наяривал, как тапер в немом кино. Бывало это на ярмарках, на престольных праздниках — везде, где ходили стенка на стенку. Самой популярной из всех подобных мелодий была на Псковщине "новоржевка". Было даже выражение "сыграть новоржевку", что значило устроить драку.

Совсем не в этом значении — просто в фольклорно-музыкальном — ее сыграют 5 июня под стенами Святогорского монастыря, где похоронен Пушкин. Каждый год при нем в девятое воскресенье после Пасхи праздновалась икона Сватогорской Божьей матери и устраивалась ярмарка близ монастыря, вдоль улицы, которая и сейчас называется Новоржевской. Пушкин всегда хаживал на ярмарку, и опочкашки мясники Иван Палин записал как-то в дневнике, что видел Пушкина на ярмарке, одетого в красную рубашку, с кушаком, с густыми бакенбардами, переходящими в бороду, с очень длинными ногтями, похожего "то ли на цыгана, то ли на обезьяну". Ногти запомнились бедному мешанину, потому что при нем поэт прынул на ярмарке "купил апельсин до полукожицы и ел, очутив длинными полированными ногтями..."

Пятого июня ярмарку возродят. Апельсины, возможно, будут. Драк, общаются, не будет. Зато — плоды возрожденных искусств и ремесел, от лозоплетения и гончарного мастерства до хлебопечения и конкурсы гармонистов.

"А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем..."

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО

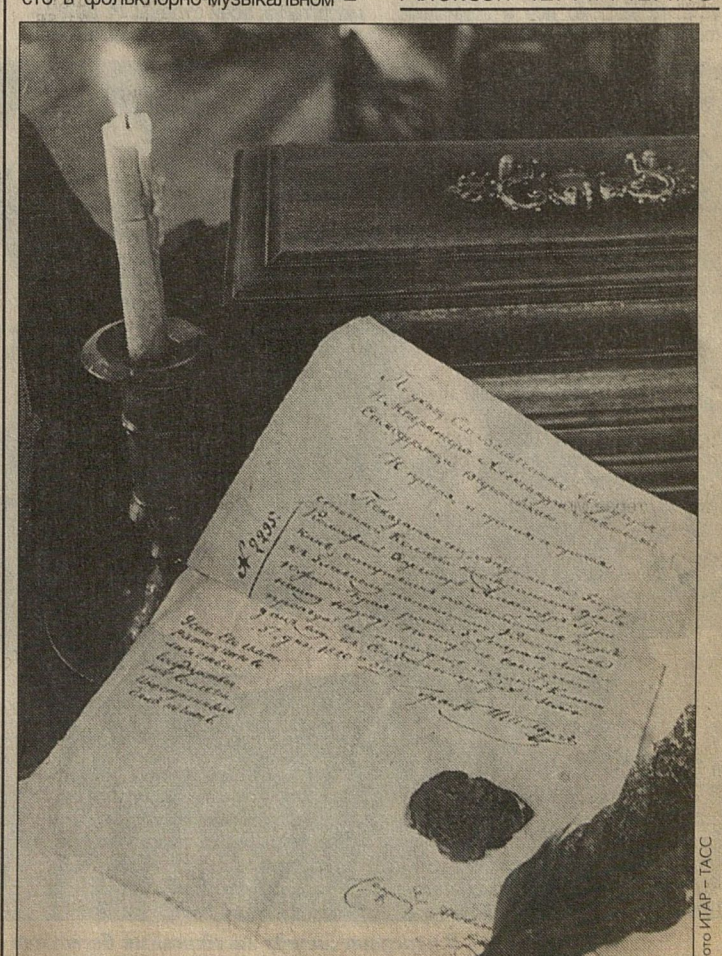

Фото ИТАР — ТАСС